

Глава 4

К тому времени как Линь Лан умылся и вышел, все вещи уже привели в порядок, а Линь Дайюй успела немного освоиться со своими четырьмя новыми старшими служанками.

Линь Лан поленился сушить мокрые после купания волосы. Оставив их распущенными, он лишь безучастно наблюдал, как тяжелые капли сбегают по прядям и срываются на плечи, мгновенно расплываясь темными пятнами на ткани халата.

Заметив, что брат даже не подумал вытереться, а сразу уселся за стол и принялся уплетать сочные фрукты, Дайюй не сдержала улыбки:

— Братец, ну что ты за лакомка! Взрослый ведь уже, а все туда же — спешишь, будто у тебя отнимут!

Она велела принести полотенце и сама принялась бережно сушить его волосы.

Линь Лан и не думал спорить. Отправив в рот очередной кусочек, он добродушно возразил:

— Каждому в этой жизни нужна хоть какая-то отрада. К остальным земным благам я равнодушен, но вкусно поесть люблю. Неужто и этого мне нельзя?

Дайюй лишь шутливо покачала головой, беззлобно потворствуя его слабости.

Линь Лан меж тем подозвал служанку:

— Хэцзя, подарки, о которых я говорил, готовы?

Служанка, почтительно сложив руки, шагнула вперед:

— Разумеется, молодой господин. Угодно ли вам лично осмотреть их?

— Зачем мне на них смотреть? — отмахнулся Линь Лан. — Те, что предназначаются старшим господам и молодым господам, отсылайте так. А вот подношения для барышень принесите сюда — пусть Юй-эр на них взглянет.

Дайюй удивленно приподняла брови:

— Зачем же мне? Раз ты сам все выбрал, я просто велю служанкам разнести коробки по комнатам.

Линь Лан мягко высвободил мокрые пряди из ее рук:

— Ну уж нет. Я ведь мужчина, откуда мне знать девичьи вкусы? Вдруг не угадаю и обижу кого-нибудь невзначай? Так что будь добра, посмотри свежим взглядом.

Младшие служанки поднесли таз с чистой водой, чтобы Дайюй омыла руки. Хэцзя тем временем распорядилась внести подарки. Несколько девушек пониже рангом бережно держали лаковые шкатулки, на каждой из которых красовался аккуратный ярлык, исключаящий любую путаницу.

Дайюй заглянула в шкатулки. Каждой из барышень предназначался изящный головной убор и пара прелестных безделушек. Однако она сразу заметила тонкую разницу: дары для Цзя Инчунь и Цзя Сичунь были одинаково богаты, подношение для Цзя Таньчунь — чуть проще, а то, что предназначалось Сюэ Баочай, уступало остальным еще на малость. Она удивилась такому выбору, но расспрашивать не стала.

— Все подобрано со вкусом, братец, — мягко проговорила она. — Пожалуй, стоит отправить подарки прямо сейчас, пока нас не позвали к ужину.

— Как скажешь, сестрица, — с улыбкой согласился Линь Лан. — Мое дело малое: сидеть сложа руки да наслаждаться праздной жизнью богача!

— Все такой же бездельник! — рассмеялась Дайюй. — Смотри, узнает отец о твоей лени — не сносить тебе головы!

— Оттого-то я и сбежал под твое крылышко, — шутливо сокрушился Линь Лан.

Пока они перешучивались, Хэцзя раздала указания, и служанки разошлись по комнатам с подношениями. Вскоре волосы Линь Лана совсем просохли. Хэхуань принесла лаковый ларец с гребнями и заколола его локоны в аккуратную прическу.

Цзыцзюань бросила взгляд на окно, где уже сгущались сумерки:

— Барышня, молодой господин, пора идти к старой госпоже.

Линь Лан удивленно вскинул брови:

— Мне тоже нужно быть у Матриарха?

— Ты ведь только приехал, — с улыбкой пояснила Дайюй. — Разумеется, бабушка ждет тебя за семейным ужином.

Не успели они договорить, как на пороге появилась Юаньян — доверенная служанка старой госпожи Цзя.

— Только мы о вас вспомнили, а вы тут как тут, — весело встретила ее Дайюй.

— Старая госпожа побоялась, что молодой господин Линь постесняется прийти сам, вот и отправила меня поторопить вас, — с мягкой улыбкой ответила Юаньян.

Линь Лан, чья прическа была как раз закончена, поднялся из-за стола:

— Постесняюсь? Ну уж нет! Это бабушка просто с непривычки сочла меня скромником. Погодите, пройдет неделя-другая, и она еще взмолится, не зная, куда деться от моих капризов!

Дайюй привыкла к шутливому тону брата. Три года разлуки ничуть его не изменили, и это грело ей сердце. Однако Юаньян, не зная истинного нрава Линь Лана, сочла его слова непозволительно развязными, что сразу заставило ее усомниться в благовоспитанности гостя. Из почтения к его статусу служанка ничем не выдавала себя, однако в ее глазах промелькнула тень пренебрежения, которую тут же приметил Хэжу.

— Раз уж ты здесь, подожди нас немного, — обратилась к ней Дайюй. — Пойдем вместе.

Юаньян, разумеется, спорить не стала. Линь Лан промолчал, лишь поправил складки халата, и вскоре они втроем направились в покои Матриарха.

В гостиной старой госпожи собрались еще не все. Зато барышни, с которыми Линь Лан не успел познакомиться днем, весело щебетали возле хозяйки дома.

Дорога к главному крылу оказалась неблизкой. Хотя они шли тенистыми аллеями под прохладным вечерним ветерком, Линь Лан все равно разомлел от духоты. У самого порога зала Жунси Дайюй заметила, что по его лицу струится пот, и со вздохом остановилась, чтобы промокнуть ему лоб.

Линь Лан забрал у нее платок и спрятал в рукав:

— Твой испачкался, сестрица. Я заберу его, велю выстирать и тогда верну.

Хэцзя тут же протянула хозяину чистый, пахнувший лавандой платок из тончайшего шелка. Линь Лан отдал его сестре:

— Держи, если не побрезгуешь моим.

— Немного брезгую, конечно, — поддразнила его Дайюй, принимая шелк. — Но это лучше, чем ничего.

Линь Лан шутливо щелкнул ее по лбу:

— Ах ты, неблагодарная! Я лишь проявил вежливость, а ты уже и рада уколоть!

Дайюй, посмеиваясь, увлекла брата в залу. Они поклонились Матриарху.

— Ну и молодежь! — добродушно пожурела их старая госпожа Цзя. — О чем вы там шепчетесь на пороге? Зашли бы да порадовали старуху своими шутками.

Дайюй лукаво взглянула на улыбающегося Линь Лана:

— Бабушка, это я журила братца. Прошел всего ничего, а взмок так, будто версту бежал! Сразу видно, что дома он целыми днями только и делает, что бока отлеживает.

Линь Лан ничуть не обиделся на ее подколку:

— Наговариваешь ты на меня, Юй-эр. Я просто не выношу зноя, а в последнее время и вовсе стал слаб к жаре.

— Вот оно что, — сочувственно закивала Матриарх. — В нашем поместье всегда в достатке льда. В этом году лето и впрямь началось слишком рано. Завтра же велю девчонке Фэн открыть ледник и принести в ваши покои побольше льда.

— Благодарю за заботу, бабушка, — почтительно поклонился Линь Лан.

Инчунь и остальные барышни еще до прихода к старой госпоже получили подношения от Линь Лана и были от них в полном восторге. Им не терпелось увидеть старшего двоюродного брата по матери, с которым они разминутись днем. И теперь, глядя на юношу, они невольно восхищались им. Он, хоть и был еще совсем молод, держался с редким изяществом; в его мягких манерах чувствовалось благородство истинного книжника, в котором он ничуть не уступал Баоюю. И если красотой они могли поспорить, то благонравием он явно превосходил балованного любимца дома Цзя. К тому же его подарки не просто пришлись всем по душе, но и в точности соответствовали правилам приличия.

Дайюй, по обыкновению примкнувшая к кругу сестер, сразу заметила их любопытные взгляды. Понимающе улыбнувшись, она подошла к брату и увлекла его за собой. Девушки переглянулись: она увела его без единого слова, а Линь Лан послушно пошел следом, лишь мягко улыбаясь — сразу видно, насколько они дружны.

— Вы ведь только что украдкой разглядывали моего брата? — весело подмигнула им Дайюй. — Что же теперь прячете глаза? Смотрите открыто, раз он здесь!

От этих слов барышни мгновенно вспыхнули румянцем. Лишь третья барышня, Таньчунь, смутилась меньше других. Слегка порозовев, она в шутку пригрозила:

— Ах ты, язва! Ну погоди, я тебе сейчас язык-то укорочу!

С этими словами Таньчунь направилась к ней, делая вид, что хочет ущипнуть за губы. Дайюй тут же юркнула за спину Линь Лана, но и оттуда продолжала раззадоривать кузину:

— А что я такого сказала? Разве не ты только что глаз с него не сводила?

Видя, что перепалка грозит перерасти в нарушение приличий, Линь Лан мягко вмешался:

— Полно тебе, сестрица. Сестры взглянули на меня лишь из понятного любопытства, а ты уже готова поднять их на смех.

Дайюй притворно вздохнула:

— Ну хорошо, хорошо, молчу.

— Надо же! — весело воскликнула четвертая барышня, Сичунь. — Обычно сестрицу Линь никто переспорить не может, а перед братом она сразу притихла!

Гостиная взорвалась дружным смехом. Донесся он и до ушей Матриарха.

— Над чем это вы там потешаетесь? — спросила она. — Ну-ка, расскажите и мне, пусть старуха порадуетса.

Девушки окружили ее кресло, и Баочай с улыбкой заговорила:

— Бабушка, мы смеемся над тем, что на нашу острую на язык сестрицу Линь наконец-то нашлась управа в лице старшего брата. Посмотрим, решится ли она теперь поддразнивать нас!

Все снова покатались со смеху, а смущенная Дайюй посильнее спряталась за плечом Линь Лана.

— И то верно! — подхватила старая госпожа Цзя. — Давно пора было приструнить эту егозу!

Заметив, что сестра от смущения готова сквозь землю провалиться, Линь Лан поспешил увести разговор в сторону:

— Бабушка, вы до сих пор не представили мне кузин, а уже всю честите мою дорогую Юй-эр.

— Ах, голова моя садовая! — всплеснула руками Матриарх. — Приняла тебя как родного, вот и позабыла, что вы еще толком не знакомы. Что ж, гляди: это твоя вторая сестрица, Инчунь.

Инчунь степенно склонилась в приветствии, и Линь Лан ответил ей тем же.

— А это твоя третья сестрица, Таньчунь.

Та вежливо присела в реверансе.

— И младшая, четвертая сестрица, Сичунь.

Девочка всё ещё весело улыбалась, когда кланялась кузену.

— А это барышня из дома Сюэ. Можешь звать ее сестрицей Бао.

Линь Лан обменялся церемонными поклонами и с Баочай.

После взаимных приветствий беседа возобновилась, но вскоре слуги пригласили всех к столу. Линь Лан из скромности намеревался занять место пониже, однако Матриарх самолично усадила его рядом с собой и Дайюй. Как выяснилось, Баоюя сегодня дома не было — отец, господин Цзя Чжэн, забрал его с собой ублажать визитеров.

Линь Лану ничего не оставалось, кроме как занять предложенное почетное место. Стол ломился от изысканных яств. Настоящая жизнь в роскоши.

Хотя порядки в доме Цзя во многом отличались от привычных ему, Линь Лан легко приспособился к ним, сохранив при этом ту безупречную статью, которая сразу внушала уважение окружающим.

Когда трапеза завершилась, служанки, по обыкновению дома, поднесли гостям чай для полоскания рта. Линь Лан едва заметно нахмурился и мягко перехватил руку Дайюй, собиравшейся взять чашку. Повернувшись к прислуге, он негромко попросил подать чистой теплой воды.

Заметив это замешательство, Матриарх спросила:

— Лан-эр, что-то не так? Чай пришелся тебе не по вкусу?

Юноша вежливо приподнялся с места, выказывая почтение:

— Что вы, бабушка, чай прекрасен. Дело в другом. Отец всегда строго-настрого запрещал Юй-эр пить чай сразу после еды, дабы не вредить ее и без того слабому желудку. Но моя милая сестрица, оказавшись у вас, совсем расслабилась от обилия лакомств и напрочь позабыла отцовские наставления.

Сказано это было на редкость искусно: Линь Лан и хозяев не обидел, и сестру выгородил, ведь в ее нежные годы легкая слабость к сладкому казалась лишь невинной детской чертой.

— Ах, вот оно что! — спохватилась старая госпожа. — Немедленно подайте им чистой воды!

Дайюй почувствовала, как тепло разливается в груди. Как же хорошо, когда рядом есть старший брат, готовый защитить в любую секунду! Линь Лан вежливо поклонился в знак благодарности, но тут же завел разговор о другом:

— Бабушка, я заметил, что третья сестрица назвала Юй-эр именем «Пинь-эр». Неужто это поэтичное прозвище дали ей вы, почтенная матушка?

Малышка Сичунь, не удержавшись, со свойственной детям прямоотой выпалала:

— Нет, это второй братец Баоюй придумал для сестрицы Линь!

В то же мгновение улыбка сошла с лица Линь Лана. И все же голос его остался ровным:

— Вот как? Значит, расстарался Брат Бао... А я грешным делом подумал на вас, старая госпожа. Пожалуй, впредь не стоит так вольно называть мою сестру. В кругу семьи это кажется шуткой, но коли слух дойдет до чужих ушей, люди несведущие могут решить, будто в доме Цзя пренебрегают сиротой, за которую некому заступиться.

Линь Лан, обычно такой улыбчивый и приветливый, сейчас говорил с ледяной серьезностью. От этой перемены присутствующим стало не по себе. Матриарх сразу поняла, насколько глубоко уязвлен внук, и мысленно согласилась: баловство Баоюя действительно перешло границы дозволенного.

— Верно говоришь, — поспешила сгладить углы старая госпожа Цзя. — Все это детские глупости. Вы уже выросли, и подобные вольности неуместны. Отныне я запрещаю кому бы то ни было называть Юй-эр этим прозвищем.

Присутствующие почтительно склонили головы в знак согласия.

Линь Лан вновь приветливо улыбнулся, но в душе его остался горький осадок.

«Не зря в народе говорят: "Выданная дочь — что выплеснутая вода". Какая бы ни была родня, а бабушка по матери все равно остается чужой. Спустила любимчику всё с рук, выставив глупую обидную выходку невинной детской шалостью. Хм, семейка Цзя...»

Вскоре гости разошлись, и брат с сестрой вернулись в свой уединенный дворик.

Стоило Линь Лану переступить порог, как он велел наглухо запереть ворота и никого не впускать. Хотя из Янчжоу он не привез тяжелой на подъем дворовой прислуги, его четыре старшие служанки были девицами хваткими — палец в рот не клади. Всего за один вечер они успели щедро одарить местных кухарок и младших девок, присланных из господского дома. О глубокой преданности купленной челяди говорить пока не приходилось, но беспрекословно исполнять приказы молодого господина те были готовы.

Дайюй удивленно наблюдала за его распоряжениями. Ладно еще запереть калитку на ночь, но к чему такая таинственность?

Линь Лан лишь загадочно улыбнулся в ответ на ее немой вопрос и жестом пригласил в дом. Едва они устроились в креслах, Хэцзя подала свежесваренный чай и увела младших служанок. В комнате осталась лишь Цзыцзюань, преданно застывшая у дверей, поскольку молодая хозяйка не отпускала ее.

Линь Лан красноречиво посмотрел на сестру. Поняв его без слов, Дайюй мягко произнесла:

— Цзыцзюань, ступай подготовь постель. Мы со старшим братом немного побеседуем, и я скоро приду.

Служанка послушно поклонилась и скрылась за ширмой.

Двери в покои намеренно оставили приоткрытыми, чтобы избежать любых толков о неподобающем уединении юноши и девушки, однако верные служанки Линь Лана оцепили галерею так плотно, что ни одно слово из их разговора не могло вылететь наружу.